

Михеев Михаил Викторович — к.и.н., Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (Россия, Екатеринбург)
ORCID: 0000-0001-8097-4953
E-mail: mikheeviiiauroran@yandex.ru

**Урал и Украина в системе межрегиональных противоречий 1920-х — 1930-х гг.
(продолжение)***

АННОТАЦИЯ. Настоящее исследование продолжает серию статей, посвященных проблеме межрегиональных экономических противоречий Урала и Украины в СССР межвоенного периода. Во второй части работы автор рассматривает тенденции территориальной организации советской черной металлургии вокруг Урала и Украины в контексте изменений экономической, политической и социальной конъюнктуры, произошедших вследствие Октябрьской революции. Эти тенденции выражались в сдвиге размещения производительных сил советской черной металлургии к западным границам СССР, с преимущественной концентрацией их на Украине. При этом, в сравнении с дореволюционным временем, указанный сдвиг носил более выраженный характер, что было вызвано сопровождавшими восстановление промышленности Урала в 1920-х гг. кризисными явлениями. Последние были вызваны невозможностью сохранения в регионе технологии древесноугольной металлургии в дореволюционном объеме и виде. Попытки приспособить уральскую металлургию к существовавшим условиям без структурных технологических изменений оказались неудачны и привели к угрозе ее фактического поглощения украинским производством путем организации общесоюзного металлургического синдиката с доминированием украинских трестов. Это привело к активизации регионалистских тенденций на Урале, усугублявшихся под воздействием его экономических противоречий с Сибирью и проявившихся в ходе минерализации уральского топливного баланса каменным углем Кузнецкого бассейна. На фоне разворачивавшегося в стране «металлического голода» тенденция к концентрации металлургического производства на Украине предопределяла противодействие не только индустриального Урала, но и центрального правительства, что в скором времени должно было привести к всплеску регионалистских тенденций уже на Украине.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экономическая история, экономическая география, Урал, Украина, Западная Сибирь, Октябрьская революция, металлический голод, регионализм

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10159. Автор выражает благодарность к. и. н. Г. Н. Шумкину за консультации в ходе подготовки статьи. Ввиду масштаба поднятой темы, редакция приглашает заинтересованных исследователей к дискуссии.

Mikhail V. Mikheev — Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Ekaterinburg)
ORCID: 0000-0001-8097-4953
E-mail: mikheeviiiauroran@yandex.ru

**The Urals and Ukraine in the System of Interregional Contradictions of the 1920s —
1930s (Part 2)**

ABSTRACT. The study continues a series of articles devoted to the problem of interregional economic contradictions between the Urals and the Ukraine in the USSR during the interwar period. In the second part of the work, the author examines the trends in the territorial organization of the Soviet ferrous metallurgy around the Urals and the Ukraine in the context of changes in the economic, political and social conjuncture occurred in the wake of the October Revolution. These trends were expressed in a shift in the location of the productive forces of the Soviet ferrous metallurgy to the western borders of the USSR, with their predominant concentration in the Ukraine. At the same time, in comparison with pre-revolutionary times, this shift was more pronounced, which was caused by the crisis phenomena accompanying the restoration of the Ural industry in the 1920s. The latter were caused by the inability to preserve the technology of charcoal metallurgy in the region in a pre-revolutionary volume and form. Attempts to adapt the Ural metallurgy to the existing conditions without structural technological changes proved unsuccessful and led to the threat of its actual absorption by the Ukrainian production through the organization of a union-wide metallurgical syndicate dominated by Ukrainian trusts. This led to the intensification of regionalism tendencies in the Urals, aggravated by its economic contradictions with Siberia and manifested during the mineralization of the Ural fuel balance with coal from the Kuznetsk basin. Against the background of the «metal famine» unfolding in the country, the tendency to concentrate metallurgical production in the Ukraine predetermined the opposition not only of the industrial Urals, but also of the central government, which would soon lead to a surge of regionalism tendencies in the Ukraine as well.

KEYWORDS: economic history, economic geography, Urals, Ukraine, Western Siberia, October Revolution, metal famine, regionalism

Введение

В 1920-х гг. в Советском Союзе ощущалась сильная нехватка металла. «Металлический голод» не был новым явлением для России. Еще в 1913 г. отмечалась нехватка 1,5 млн тонн черных металлов в русской промышленности, при общероссийском производстве 4,6 млн тонн. Это потребовало в 1914–1915 гг. завоза в Россию на льготных условиях 1,25 млн тонн чугуна (*рис. 1*). По оценке Главного управления металлургической промышленности ВСНХ СССР (Главметалла), в 1924/25 г. дефицит черных металлов в стране составил 2,5 млн тонн при общесоюзной выплавке чугуна в 1,3 млн тонн. При этом возможности покрытия дефицита за счет импорта были ограничены по политическим и экономическим причинам («Золотая блокада» и нехватка валюты) ...

Металлический голод

Если в 1912 г. импорт металла в Россию покрывал 27 % национального потребления, то в 1924/25 г. только 19,9 %. Между тем восстановление и рост советского народного хозяйства с каждым годом вызывало все более усиленный спрос на металл, ужесточая его дефицит. В частности, в отношении специальных черных металлов (жаропрочные, износостойкие, жаростойкие и т. п.). Главметалл констатировал, что спрос на них и до революции не удовлетворялся внутренним производством и для его покрытия приходилось прибегать к импорту, который в 1912 г. составил 2,5 %, а в 1924/25 г. почти такие же 2,3 %. При этом в целом в дореволюционный период, несмотря на значительно больший выпуск черных металлов внутренним производством, ввоз черных металлов в абсолютных цифрах в пять раз превышал такой же в 1924/25 г.²

Дефицитный баланс по черным металлам в значительной степени обуславливался диспропорцией в росте различных отраслей советской металлопромышленности. Если в 1912 г. удельный вес изготовления металла в общей массе металлопродукции составлял 47,1 %, то в 1923/24 г. он снизился до 34 %, поднявшись в 1924/25 г. и 1925/26 г. до 36,4 % и 38 % соответственно. Указанная диспропорция, то есть скорейший рост металлообработки перед изготовлением металла, вызывал со стороны первой повышенный спрос на черные металлы. Баланс черных металлов, невзирая на значительный рост выпуска продукции в 1925/26 г., все

² Спектор Г. А. Баланс черных металлов в 1925/26 г. И их распределения // Уголь и железо. 1926. № 7. С. 92–93.

же сводился против существующих потребностей с дефицитом в количестве около 2,5 млн тонн. При этом общесоюзное производство чугуна в 1925/26 г. составляло 2,2 млн тонн³.

В феврале 1926 г. председатель Уралмета А. В. Озерский так характеризовал эту обстановку перед членами правления синдиката: «Приемная председателя Главметалла [Ф. Э. Дзержинского] с утра до вечера полна людьми, требующими металла. Приезжают делегации заводов, подкрепленные представителями рабочих от фаб[рично-]зав[одских] ком[итетов], и ставят вопрос ребром: либо закрывать завод, либо давать чугун [...]. Говорят: “разрешите вопрос: либо сегодня закрыть завод, либо дайте чугун”. Со всех концов идут большие требования на металл. Целиком их отвергать ГУМП не может [...], это [...] вносит путаницу»⁴.

К этому времени украинская металлургия восстановила свое доминирование в общесозной выплавке чугуна, доведя свою долю здесь до 70 %. До 1925/26 г. Югосталь увеличивала объем своей работы ежегодно по меньшей мере вдвое. ВСНХ и Главметалл ожидали расширения южного производства только в части выплавки чугуна на 83 % (1,6 млн тонн в 1925/26 г. против 0,9 млн тонн в 1924/25 г.), стоимость всей произведенной продукции должна была увеличиться на 125 % (с 100 до 225 млн рублей в продажных ценах синдиката). При этом в абсолютных цифрах производство чугуна на Украине выросло только на 34 %. Удовлетворение потребителей металла по стране общесоюзной металлургией в среднем составляло 84,8 %, удовлетворение заказов Югосталью составило 76,6 %, не оправдав ожиданий центральных планирующих органов. Главными причинами этой неудачи представители правления треста называли жилищный кризис, изношенность оборудования, перебои с поставками сырья⁵.

Отсутствие квартир для рабочих при условии вовлечения в производство большого количества новых рабочих масс создали жилищный кризис, и текучесть рабочего состава, наблюдавшаяся на заводах Югостали уже и ранее, в 1925/26 г. обострилась, сопроводив собой падение трудовой дисциплины и увеличение прогулов, снизив тем самым производительность труда. Изношенность оборудования уже с начала 1925/26 г. оказалась большей, чем предполагалось. Уже в 1924/25 г. оборудование работавших тогда заводов

³ См.: Михеев М. В. Урал и Украина в системе межрегиональных противоречий 1920-х—1930-х гг. (начало) // Историко-географический журнал. 2024. Т. 3. № 1. С. 48, 50, 51, 52.

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 342. Л. 82 об.

⁵ Бирман И. П. Пути развития южной металлургии: итоги и перспективы // Уголь и железо. 1926. № 14. С. 88–91.

Югостали было нагружено до крайнего напряжения⁶. Пускались в строй последние законсервированные в годы Гражданской войны и находившиеся в плохом техническом состоянии заводы. При этом заказы на иностранное оборудование откладывались в течение года из-за сокращения и неопределенности импортного плана. Из-за этого становилось невозможным построить и проводить твердый план капитальных работ (строить под новое оборудование фундаменты и здания). Изношенность оборудования, не смягченная своевременно выполненными восстановительными работами, привела к серии аварий и простоям в производстве.

Имело место повышение цен на потребляемое Югосталью сырье, технические и вспомогательные материалы от 10 % до 50 % (руда, лес и т. д.). Повышались железнодорожные тарифы на перевозку этих материалов, падало качество материалов, предоставляемых Югостали поставщиками. Финансовые затруднения, возникавшие вследствие повышения себестоимости продукции, задерживали темпы проведения капитальных работ, а несвоевременное выполнение последних само по себе задерживало развитие производства и отражалось на себестоимости готовых изделий.

Уже в конце первого квартала 1925/26 г. ВСНХ был вынужден снизить производственную программу для металлургической промышленности Украины на 14 %. В частности, на 4 % была сокращена программа выплавки чугуна, но этот смягченный план в 1,6 млн тонн был выполнен только на 97 %. При этом оказались исчерпаны производственные резервы, сформировавшиеся в дореволюционный период. Все старые предприятия и производства были введены в работу. Сильный износ их оборудования вкупе с выработкой старых рудных и угольных месторождений не позволил украинской металлургии в абсолютных цифрах превзойти уровень 50 % производства 1913 г (*рис. 2*).⁷

Первый пятилетний план и вопросы размещения промышленности

Планирование советской индустриализации ожидаемо не было одномоментным процессом. Первый пятилетний план вырабатывался и согласовывался в течение нескольких лет при участии ряда собственно плановых (как центральных, так и региональных),

⁶ Там же.

⁷ См.: Бирман И. П. Указ. соч. С. 88–91; Михеев М. В. Указ. соч. С. 48, 50, 51, 52.

народно-хозяйственных, государственных, правительственных, партийных и советских организаций. Непосредственно история этих работ лежит вне рамок нашего исследования⁸.

Сравнив показатели первоначального плана ОСВОК ВСНХ и итогового плана Госплана СССР, мы видим, что в территориальном разрезе планирование размещения производительных сил претерпело серьезные изменения в части капиталовложений при новом строительстве (таблица 1).

Таблица 1

Проектировки капиталовложений государственной промышленности в первом пятилетнем плане ОСВОК ВСНХ СССР и Госплана СССР в территориальном разрезе (%%)*

Table 1.

Projections of capital investments in state industry in the first five-year plan of the OSVOK VSNKh USSR and the USSR Gosplan in a territorial aspect (%%)

	Всего		Новое строительство		Существующие предприятия	
	ВСНХ	Госплан	ВСНХ	Госплан	ВСНХ	Госплан
Центр	21.57	15.1	17.5	19.4	25.6	12.9
Северо-Запад	6.42	5.5	4.5	5.9	8.5	5.2
Украина	30.48	22.5	25.4	23.9	34.4	21.8
Урал	8.68	10.5	10.3	18.8	7.1	6.2
Сибирь	2.56	3.3	4.04	7.8	1.2	0.9
Прочие районы	30.3	43.1	38.3	24.2	23.2	53
Всего	100	100	100	100	100	100

*Источник: Материалы Особого совещания по воспроизводству основного капитала при президиуме ВСНХ СССР. Сер. 3. Труды комиссии по критической сводке пятилетних гипотез развития отраслей промышленности. Перспективы развития промышленности на 1925/26–1929/1930 гг. по пятилетним гипотезам. Вып. VI. Территориальная организация промышленности. М. — Л., 1927. С. 50; Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. Т. 3. Районный разрез плана. М., 1930. С. 580.

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 260. Л. 101–103.

Пятилетний план ОСВОК не намечал существенных сдвигов в этом вопросе. Удельный вес старых промышленных районов сохранялся им стабильным: «Каких-либо резких изменений в соотношении районов в течение указанного периода не произойдет. Требования предъявляемые к промышленности экономическим и финансовым режимом страны во многих случаях успешнее и эффективнее могут быть выполнены центральными районами, индустриальный опыт которых исторически сложился, поэтому естественные индустриальные тенденции Востока в ближайшем периоде не будут в достаточной степени использованы и вместе с тем будут укрепляться промышленные функции Европейского центра, Юго-Востока, и отчасти Северо-Запада» говорилось в опубликованных материалах⁹.

Дилемма Урала

Из приведенных материалов видно, что промышленность горнозаводского Урала содержала в себе ряд внутренних структурных противоречий, от которых индустрия Украины была свободна. Пути решения проблем украинской металлургии были очевидны для современников. В общих чертах они заключались в привлечении большого ($\approx 80\%$ от годовой стоимости произведенной продукции¹⁰) объема капиталовложений, направленных на дооборудование существующих предприятий, разрешение жилищного кризиса, проведение геологоразведывательных работ для приращения запасов руды и угля, электрификацию производства, урегулирование тарифной политики железных дорог и т. д. Представители плановых, хозяйственных и партийных структур общесоюзного и регионального уровня могли спорить относительно конкретного применения этих капиталовложений на уровне отдельных предприятий и отраслей, но общий вектор реконструкции металлопромышленности Украины не вызывал сомнений.

Выводы

В целом на протяжении 1920-х гг. результаты выполнения производственных программ металлической промышленности Урала и Украины показали, что оба региона вплотную подошли к использованию мощностей, оставшихся у них с дореволюционного времени. Как отмечал в 1926 г. председатель Уралоблсовнархоза В. Н. Андронников:

⁹ Там же. Д. 270. Л. 101–103.

¹⁰ Бирман И. П. Указ. соч. С. 50.

«Раньше у нас было мерило – подойти к довоенному производству, теперь это мерило отпало, нам нужен план развития на известный период»¹¹...

References

Auns M. [The border between Livonia and Braslava districts]. *Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. A daļa* [Bulletin of the Academy of Sciences of Latvia. Part A], 2008, no. 3/4, pp. 27–33. (In Latvian).

Braudel F. *Dinamika kapitalizma* [The Dynamics of Capitalism]. Smolensk: Poligramma Publ., 1993. (In Russian).

Buganov V. I., Preobrazhensky A. A., Tikhonov Yu. A. *Evoljutsiya feodalizma v Rossii: sotsial'no-ekonomicheskiye problemy* [Evolution of Feudalism in Russia: Socio-Economic Problems]. Moscow: Mysl' Publ., 1980. (In Russian).

Khomutova O. Yu. [The merchant class of Kaluga in the first half of the 19th century: sources of formation and the structure of trade operations]. *Ekonomicheskaya istoriya: yezhegodnik. 2002* [Economic history: A yearbook. 2002]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2003, pp. 111–154. (In Russian).

Korshunkov V. A. [The Route to the White Sea in the 19th Century. Part 1: Road State and Transportation Conditions]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series Humanitarian and Social Sciences], 2023, vol. 23, no. 2, pp. 5–13. DOI: 10.37482/2687-1505-V248 (In Russian).

Owen T. C. *The Corporation under Russian Law, 1800–1917. A Study in Tsarist Economic Policy*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1991. (In English).

¹¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 5. Л. 118.